Литература

1. Рыхлова Л.А. Политическая экспертиза в контексте концепции информационного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2010. Т. 10. № 1. С. 121-124.

2. Тимофеева Л.Н. Политическая модернизация и формирование элиты госуправления в России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Т. 3. № 3. С. 92.

3. Волкова Н.Н. Политическая элита в условиях трансформации современного российского общества // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 6. С. 173.

4. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 100.

5. Крыштановская О.В. Российская элита на переходе: http://www.polit.ru/lectures/

6. Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. С. 27.

7. Ледяев В.Г. Модели эмпирического исследования власти: западный опыт // Власть и элиты в российской трансформации: Сб. науч. ст. под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2005. С. 122.

8. Кузьмичев А.Д. Становление и развитие деловых элит в России и странах зарубежья // Экономическая история. 2010. № 1. С. 45.

9. Мохов В.П. Региональная политическая элита России. http://socioline.ru/pages/

10. Перегудов С.П. Конвергенция по-российски: "золотая середина" или остановка на полпути? // Полис. 2008. № 1. С. 45.

УДК 321

Исаков А.Л.

Незападный тип политических процессов в контексте проявления моделей архаизации

Статья посвящена незападному типу политических процессов в контексте проявления моделей архаизации.

Ключевые слова: архаизация, традиции, общественное развитие, модернизация, политический процесс, авторитаризм.

Каждой общественно-политической системе соответствует особая, собственная базисная модель, которая в каждой конкретной стране проявляется в национально-специфических формах. Как правило, важнейшие элементы каждой базовой модели характеризуются универсальностью и определяются общемировоззренческими установками и ориентациями людей независимо от их национально-государственной принадлежности. В этом качест-

ве в обобщенной, абстрагированной форме они составляют системообразующие компоненты данной модели.

Присущие России альтернативы развивающихся обществ – хаос и дезинтеграция в стране или авторитарный режим – порождены стихией архаики и в значительной степени блокируют модернизацию. Авторитаризм представляет собой реакцию традиционализма на модернизацию, при которой задача модернизации подчиняется, а иной раз приносится в жертву задаче сохранения стабильности обществ. Он, как правило, укрепляет почву политической традиции ради ускорения экономической модернизации. Благодаря этому не происходит ни столь глубокого разрушения традиций, ни столь радикальной модернизации, как это было возможным в Советском Союзе. Умеренность авторитаристского традиционализма происходит от его чувства границы, задаваемой традицией, от чувства пластичности культурного материала. Это не устраняет опасности срыва в архаику, поскольку авторитаризм означает монополию традиционализма на власть и не исключает возможности злоупотребления ею. Но бесспорен и тот шанс, который авторитаризм дает развивающимся обществам, – ускоренный и в то же время максимально стабильный переход к модерну, вызревание современного общества из традиционного. Можно гадать, был бы переход к модерну в таких странах, как Испания или Португалия, без авторитарных режимов быстрее и эффективнее, во всяком случае он обошелся без таких потрясений, как в России, Германии, Китае, на Кубе и т. д. Хорошее сравнение эффективности архаической модернизации и модернизационной архаики предоставляет пример Южной и Северной Кореи [1].

Обращение к архаике, что присуще, как правило, странам и обществам Латинской Америки, Африки, Азии, переживающим процессы политической транзиции, связано с целенаправленной политикой властных элит, которые видят свой интерес в консервации существующих общественных порядков в целях укрепления своих позиций в политической жизни. Проявление архаики – это также в значительной мере отражение неготовности подобных обществ к дальнейшим изменениям, связанным с демократическим транзитом, с новыми рисками, которые заменяются стремлением найти опору не только в привычных формах общественного бытия, но и в тех, что скрыты в глубинах архетипов массового сознания.

Именно в незападный тип политических процессов вписываются модели архаизации политических процессов как когнитивные идеалотипические конструкции, исходящие из вытеснения из политической практики новообретенных элементов.

Существенное значение для уточнения наших теоретико-методологических позиций работы американских политологов Л. Пая и С. Хантингтона по проблематике незападного политического процесса [2, 3].

Л. Пай разграничил политические процессы западного и незападного типа и сформулировал ряд пунктов, по которым различаются политические процессы в западных и незападных обществах [2]. В свою очередь, С. Хан-

тингтон еще в конце 1960-х гг. выдвинул гипотезу, что если социальная активизация опережает развитие стабильных политических институтов, активное общество будет испытывать фрустрацию, следовательно, никакой безоглядный алармизм в деле модернизации недопустим, а нужна крепкая политическая власть, которая сначала будет выстраивать полноценную систему политических институтов, а потом эта система будет способствовать эффективной работе социальных активистов [3].

Применимо к проблематике моделирования и проявления архаизации, как замечает А. Виноградов, в общественных науках часто используются исторические и страноведческие параллели, которые позволяют описывать явления, сравнивая их с другими, хорошо изученными, и концептуализируются понятием «модель». Поскольку имеющийся понятийный аппарат – главным образом плод западной науки, то любой исследователь волей-неволей смотрит на мир «глазами Запада». Между тем, следование этой традиции мешает разглядеть в реальности как раз то, что в ней, прежде всего, хотелось бы понять. От неизбежного искажения картины реального Незапада (Востока) можно избавиться, лишь освободившись от мировоззренческих стереотипов западной науки. Это позволит не искать в каждом новом обнаруженном историческом или политическом факте подтверждение той или иной известной концепции, а наоборот, сосредоточиться на построении новых концепций, выработка которых возможна через анализ генезиса тех черт, которые могут отсутствовать в истории западных стран, но присутствовать в истории стран незападных.

Отсюда Виноградов выводит тезис: на Западе и на Востоке развились разные типы государственно-политических и общественно-политических «кодов», каждый из которых был предназначен воплощать оптимальные для условий Запада и Востока типы управления. В Европе постоянное разрушение социальных форм организации угрожало существованию цивилизации, вынуждая ее к поискам радикальных форм обновления. На смену родовой общине пришла гражданская, но выработанные ею механизмы оказались несовершенными, а с точки зрения уровня развития производительных сил еще и преждевременными, и античная цивилизация погибла. Гражданскую общину сменила религиозная, однако и она оказалась уязвимой, неадекватной фундаментальным, уже сложившимся к тому времени принципам европейской цивилизации. Механизмы регулирования были вновь скорректированы. Появилось новоевропейское гражданское общество с правом, демократией и разделением трех властей, придававшим политическую стабильность агрессивному, атомизированному социуму, уберегая его от самоуничтожения.

На Востоке такой угрозы не было, и в появлении искусственного инструмента регулирования общественной жизни потребности не возникало. Община не разрушалась под влиянием внешних условий, а развивалась, сохраняя свои основные функции и элементы в восточном государстве на протяжении тысячелетий. В нерасчлененном социальном пространстве нравственные и правовые регуляторы оставались едиными. Из этого, в частности,

нередко делают вывод об эклектичности современного китайского общественного сознания, государственных институтов и политических установок. На самом деле, они большей частью органичны, так как никогда не выделялись в самостоятельных агентов социального управления и в таком виде дошли до современности [4].

При этом в глобальном мире происходит снижение реальной роли публичных политиков в принятии решений, которые теперь вырабатываются специализированными экспертными структурами и осуществляются под давлением глобальных факторов. Происходит виртуализация политики, при которой политический процесс воспринимается обществом как телевизионная картинка. При этом деловые качества политика отходят на задний план в сравнении с имиджевыми чертами характера, вызывающими доверие. Символические функции политики расходятся с реальным процессом принятия решений.

Новая разновидность общества в условиях глобализации определяется З. Бауманом как «текучая современность». Подобная метафора выступает у этого автора в качестве основного мотива, обеспечивающего стилевое и тематическое единство взгляда на социальную реальность рубежа тысячелетий. Эпоха рождает новые метафоры самопрезентации: сегодня говорят не об инженерии и контроле, лидерстве и управлении, но влиянии и культуре, командах и коалициях, не о структуре, а о сетях. Сообразующиеся с духом времени поведенческие стили сравниваются не с железной поступью марша, но с легким танцем или серфингом. Социальному миру приписываются такие атрибуции как разнородность, сложность, пластичность, неоднозначность, подвижность, парадоксальность. Полет «текучей современности» отличает одна важная особенность – его траекторию рассчитать почти невозможно. Ситуация за бортом меняется ежеминутно, и новости нередко застают людей врасплох. Долгосрочное планирование биографии и карьеры становится бессмысленным [5].

Голландский политолог А. Лейпхарт предпринял попытку классификации и категоризации сегментарных (плюральных, многосоставных, фрагментированных, разделенных) и при этом стабильных политий. Со временем теория Лейпхарта приобрела не только дескриптивный, но и нормативный характер. Выделенные им условия и принципы политического взаимодействия в стабильных сегментарных обществах стали именоваться в политологической литературе «моделью консоциативной демократии» [6].

Однако с течением времени стала набирать силу парадигма «волн демократии». В самом общем смысле демократизация означает процесс политических и социальных изменений, направленных на установление демократического строя. В современной теории и практике демократия и демократизация не гарантирует решения тех или иных проблем, и лишь создает условия для достижения поставленных целей. Результат же зависит от условия протекания демократического процесса, от характеристики сил, которые будут на

него влиять, от их способностей решать проблемы, от внешних обстоятельств, влияющих на внутреннюю политику [7].

С. Хантингтон вводит понятие «волна демократизации», под которой он понимает группу переходов от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период. К этой волне обычно относится также либерализация или частичная демократизация в тех политических системах, которые не становятся полностью демократическими.

Незападный тип политических процессов в контексте проявления архаизации во многом связан с функционированием мобилизационного типа развития.

А. Фонотов выделяет следующие типы развития: а) застойный, когда развитие практически полностью отсутствует; б) эволюционный тип, т. е. естественное развитие за счет постепенного формирования и созревания необходимых факторов социально-экономической динамики без сознательного вмешательства людей; в) инновационный тип, т. е. сознательное и целенаправленное культивирование факторов развития во всех сферах общества, г) мобилизационный тип, представляющий собой средство выхода из застойного состояния или инструмент ускорения эволюционного развития за счет административно-силового вмешательства в механизмы функционирования общества [8].

В политологической литературе показано, что мобилизационный тип развития (соотношение между потребностями и условиями развития общества) стал способом разрешения противоречия между задачами государства (т. е., по существу, требованиями выживания социума) и возможностями их решения. Мобилизационная модель формируется в условиях дефицита необходимых для развития ресурсов. При этом возникает противоречие между интересами государства и интересами хозяйственных субъектов, возможности которых недостаточны для достижения поставленных государством целей. Отсюда приоритетная роль государства во взаимоотношениях с гражданским обществом и определяющее значение политических (а не экономических) факторов развития (что позволяет определить подобный тип социальной организации как политикоцентричный). В этих условиях массированное использование мер принуждения и насилия служит компенсаторным механизмом, призванным восполнить недостаток ресурсов. Инструментом организации систематического принуждения выступают "жесткие" (авторитарные и тоталитарные) политические системы и режимы [9].

Принципиально важно, что в условиях мобилизационного и инновационного типов развития возникают принципиально различные системы отношений между государством и гражданским обществом. При инновационном типе развития, когда существует соответствие между потребностями государства и его ресурсами, а значит – между интересами государства и интересами его граждан, естественным образом формируются политические сис-

темы, в рамках которых государство и гражданское общество выступают как равноправные партнеры. Таково системообразующее основание западных политий [10].

Политический процесс выступает в качестве функциональной характеристики политической жизни в целом, определяя исполнение субъектами власти (политическими акторами) своих специфических ролей и функцийи представляет собой развертывание политики во времени и в пространстве в виде упорядоченной последовательности единичных действий и взаимодействий, которую связывает определенная логика или смысл, выражая определенную совокупность действий, осуществляемых субъектами, носителями и институтами власти по реализации своих прав и прерогатив в политической сфере [11].

Таким образом, незападный тип политических процессов в контексте проявления архаизации связан с функционированием мобилизационного типа развития, представляющего собой средство выхода из застойного состояния или инструмент ускорения эволюционного развития за счет административно-силового вмешательства в механизмы функционирования общества. При этом политический процесс выступает в качестве функциональной характеристики политической жизни в целом, определяя исполнение политическими акторами своих специфических ролей и функций. Проблема переходных обществ состоит в том, что им архаические отношения навязываются «сверху», усилиями политически властвующих субъектов.

Литература

1. Костюк К. Архаика и модерн в российской культуре // Социологический журнал. 1999. № 3-4 //http://www.spasi.ru/

2. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2. С. 66-86.

3. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

4. Виноградов А. Государственно-политические «коды» Востока и Запада // Социологический журнал. 2001. № 4.

5. Подвойский Д. Куда течет «текучая современность»? Диагнозы и прогнозы Зигмунта Баумана //http://polit.ru/article/2011/06/02/

6. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительные исследования. М.: Аспект Пресс, 1997//http://pavroz.ru/home/115.html?task=view

7. Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: тенденции и перспективы. СПб.: Балт. гос. технич. университет. 2008 //http://virmk.narod.ru/

8. Фонотов А. Россия: инновации и развитие. М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2010.

9. Кортунов С. Инновационный тип развития и мобилизация - это два пути, которые кардинально противоречат друг другу // http://www.liberty.ru/2008/

10. Гаман-Голутвина О.В. Бюрократия или олигархия? //http://exsolver.narod.ru/Artical/Govertheory/bureacracy.html

11. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Отв. ред. Е. Мелешкина. М.: Инфра-М; Весь мир, 2001; Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология: Учебник. М.: Юристъ, 2002. С. 371.

УДК 297

Добаев И. П., Гаджибеков Р. Г., Анисимова Н.А.

Векторы политизации и радикализации ислама в Российской Федерации

Статья посвящена проблеме радикализации ислама в Российской Федерации. Разработана периодизация этого процесса, предложена характеристика его этапов. Осмысливаются содержание и перспективы дальнейшей политизации и радикализации ислама.

Ключевые слова: ваххабизм, исламизм, терроризм.

Ислам в Российской Федерации преимущественно локализован в его суннитской версии ханифитского толка. В то же время, практически до последнего времени исследователи четко дифференцировали два качественно отличающиеся друг от друга ареала распространения ислама – Поволжье, Урал и Западная Сибирь, с одной стороны, а с другой – Северный Кавказ. На Северном Кавказе за последние два десятилетия религиозно-политический экстремизм и терроризм стали суровой реальностью, поэтому сконцентрируем внимание именно на нем.

На Северном Кавказе, как и в других регионах России и мира, ислам не представляет собой монолита, но разобщен в рамках существующих направлений, толков и идейных течений. В регионе, как и в других субъектах РФ, доминирует его суннитская версия, относительно небольшое количество шиитов проживает в южной части этой северокавказской республики. Их невысокая численность и относительная политическая пассивность позволяет в ходе дальнейшего анализа вывести их за рамки рассмотрения.

Что касается толков (мазхабов, или правовых школ в исламе), то с этой точки зрения северокавказский ислам достаточно условно можно разделить на две части: на Северо-Западном и Центральном Кавказе (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия-Алания) представлен ханифитский мазхаб, считающийся самым мягким и гибким в исламе. На Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня и Ингушетия) преобладает шафиитский толк, более жесткий, чем ханифитский.

Однако самое значимое расслоение фиксируется на поле идейных течений в исламе (традиционализм, фундаментализм, модернизм), прежде всего, по линии традиционализм – фундаментализм. Каждое из этих течений борется за усиление своего влияния на верующих. Модернистские тенденции в